

Бён-Чхоль Хан

КРИЗИС ПОВЕСТВОВАНИЯ

как неолиберализм превратил
нарративы в сторителлинг

Smart (АСТ)

Хан Бён-Чхоль

**Кризис повествования. Как
неолиберализм превратил
нарративы в сторителлинг**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 316
ББК 88.5

Бён-Чхоль Х.

Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / Х. Бён-Чхоль — «Издательство АСТ», 2023 — (Smart (АСТ))

ISBN 978-5-17-155749-2

В этом эссе Бён-Чхоль Хан анализирует современного человека, окруженного бесконечными нарративами, повествованиями и историями. Однако, несмотря на эту бурю смыслов вокруг, мы, кажется, утратили возможность чувствовать и понимать истинное повествование — и оказались в «постнарративном мире». Цифровое общество полностью подчинено информации, и с каждым днем ускоряется процесс «денарративизации». Поток информации, который, по сути, является бушующим океаном данных, «удушает дух» истории. Несмотря на то что мы все быстрее обмениваемся информацией и производим ее, онлайн и офлайн, «мы больше не рассказываем друг другу истории. Мы публикуем, делимся и ставим лайки».

УДК 316

ББК 88.5

ISBN 978-5-17-155749-2

© Бён-Чхоль Х., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Социально-философский нарратив Бён-Чхоль Хана	6
Предисловие	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Бён-Чхоль Хан

Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг

Die Krise der Narration

Byung-Chul Han

© MSB Matthes & Seitz Berlin Verlagsgesellschaft mbH, Berlin 2023.

© А. С. Салин, перевод, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

В оформлении использованы материалы, предоставленные Фотобанком Shutterstock, Inc., Shutterstock.com

Социально-философский нарратив Бён-Чхоль Хана

«Кризис повествования» – четвертая книга немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана, которая выходит в проекте «Лёд»¹. Четвертая и самая свежая: на немецком она вышла в 2023 году, и ее даже пока что не успели перевести на английский – удивительно, если учитывать то, как быстро эссе Хана появляются на языках всего мира. Впрочем, права на перевод «Кризиса повествования», кроме России, уже приобретены следующими странами: Китай, Италия, Греция, Турция, США, Великобритания и Испания². Так что очень скоро с этой книгой познакомятся читатели, разговаривающие на самых разных языках. Но главное не это.

Главное то, что «Кризис повествования» публикуется на русском языке *вовремя*. Не только в том смысле, что эссе было написано и издано прямо в этом, 2023 году, но также и в том, что оно помогает лучше понять те работы Хана, которые уже вышли на русском и которым еще только предстоит выйти (в проекте «Лёд» ожидаются «Топология насилия» и «Деконструкция западной страсти»). Как явствует из названия эссе – для которого Бён-Чхоль Хан против обычного даже не дал подзаголовков, полагая, видимо, что и без него все понятно, – сегодня мир переживает глубочайший нарративный кризис. Конечно, требуется ряд уточнений, что это такое и каков характер оплакиваемого нарратива, но суть ясна.

Фактически обилием коротких (будем честны: часто даже коротеньких) книг Хан создает собственный нарратив. От одной книги его мысль перетекает в другую. Сколько бы книг он ни писал, все они связаны не только личностью автора, но и буквально тематически. При этом крайне важно, что точкой входа в этот нарратив может стать абсолютно любая работа Хана. Эссе Хана можно читать практически в произвольном порядке (при этом, конечно, в каждой работе есть свои знаки времени – примеры или акцент на конкретном феномене), но лучше прочитать их как можно больше. Только в совокупности его работ раскрывается повествовательный замысел его социальной критики. Сам же «Кризис повествования» на метауровне превращает все творчество философа в единую вселенную, со своими темами и героями. В этом достаточно длинном нарративе есть постоянные персонажи – Вальтер Беньямин, Марсель Пруст, Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт, а также мыслители, которые исполняют cameo разной степени важности – например, социологи Ева Иллуз или Хартмут Роза. Темы, которые составляют каркас нарратива социальной философии Хана, – неолиберализм, капитализм, информация и т. д. Одна из ключевых тем, которые не дают покоя Хану, – это время. Поэтому можно не удивляться, что после «Аромата времени», оригинал которого вышел в 2009 году, философ вновь обращается к теме в «Кризисе повествования», осмысляя проблему по-новому.

Нарратив Хана очень авторский. В том смысле, что его афористичный лаконичный стиль философствования не всегда способствует тому, чтобы читатель мог заподозрить мыслителя в умении рассказывать истории. Его книги могут увлечь, но лишь подготовленного читателя, который дал себе труд прочесть больше чем одну работу философа. Хотя в каждом конкретном эссе Хана четко прослеживается единая повествовательная линия, нарративность приобретает именно *последовательность* книг. Каждая небольшая работа – это этап размышлений философа: эрос, усталость, ритуалы, насилие и т. д. Хан мыслит не столько предложениями или главами, сколько *книгами*. Мы могли бы сказать также и по-другому. Социально-философский нарратив Хана – отдельная философская вселенная идей или смыслов. Благодаря проекту «Лёд» эта вселенная иногда становится даже мультивселенной идей.

¹ Три другие работы – «Агония эроса», «Общество усталости» и «Аромат времени» – вышли в проекте «Лёд» в 2023 году.

² См.: <https://www.matthes-seitz-berlin.de/book/die-krise-der-narration.html>

Так, в «Агонии эроса» Хан, как сказано выше, активно ссылается на социолога Еву Иллуз. Дело в том, что в проекте «Лёд» вскоре ожидается публикация книги Иллуз и ее соавтора «Фабрика счастливых граждан»³. Сама Иллуз не цитирует Хана, по крайней мере, в данном тексте, но тема ее работы буквально совпадает с размышлениями Хана из «Агонии эроса» и других эссе. Иллуз как социолог восстает против позитивной психологии, Хан как философ резко критикует чрезмерный позитив современных западных обществ. И Иллуз, и Хан комментировали феномен скандального литературного произведения «Пятьдесят оттенков серого»⁴. В целом эпоху, которую так тщательно изучают Хан и Иллуз, они называют одинаково – «поздний модерн», к слову устоявшийся в среде социальных теоретиков термин, прочно занявший место, которое некогда принадлежало постмодерну. Словом, забегая вперед, можно сказать, что проект «Лёд», выстраивая мультиселенную идею или современную кросс-нарративную социальную философию, вносит свою лепту в разрешение того, что Бён-Чхоль Хан называет кризисом повествования. Посредством перевода важнейших современных книг образуется нарратив смыслов.

Но в чем суть этого кризиса повествования и чем он так страшен? В 2009 году Хан вздыхал по тому, что современные общества утратили искусство медлительного созерцания, возможность «глубокой скуки» и в целом переживали темпоральный кризис. Философ уже тогда назвал это «детемпорализацией», уничтожающей всякий «нарративный прогресс». Иными словами, кризис нарратива Хану был очевиден еще в 2009 году. С тех пор прошло много лет, и вряд ли ситуация стала лучше. Конечно, все изменилось в худшую сторону. В 2009 году социальные медиа и новые технологии играли менее заметную роль в жизни современных людей. Очевидно, в 2023 году все радикально изменилось. Социолог Джуди Вайсман назвала это «ускорением жизни при цифровом капитализме»⁵. Впрочем, чтобы заметить это, не нужно быть философом или социологом. Но, чтобы подтвердить, что изменения в практиках повседневности носят принципиальный качественный и количественный характер, требуется высказывание эксперта. Социолог Роб Китчин подтверждает это замечание: цифровые технологии оказывают колоссальное влияние на темпоральные режимы отдельных людей, домохозяйств и целых организаций, что радикально повлияло на повседневную жизнь, создав совершенно новую форму темпоральности⁶. Китчин, как социолог, по-своему объясняет эту революцию. Хан высказывается о новой темпоральности, завязанной на цифровизации, как философ. Он не говорит это прямо, но, кажется, гордится тем, что видит и замечает то, что другие видят, но не замечают.

Актуальный нам мир Хан называет по-разному – неолиберализмом, развитым капитализмом, информационным обществом (прозрачным, уставшим), обществом достижений, цифровым обществом, поздним модерном и т. д. Все эти термины могут выступать как синонимы, однако они в деталях отражают общий повествовательный кризис. Макс Вебер некогда объяснял «расколдовывание мира» в модерне научной рационализацией. С точки зрения Хана, сегодня мы сталкиваемся с очередным «расколдовыванием мира», которое оставляет «расколдовывание мира» в модерне далеко позади. Нынешнее расколдовывание связано с информатизацией и цифровизацией, растворяющими мир в данных. Информация противопоставляется информации, а коммуникации (преимущественно в социальных сетях) – истинному общению, предполагающему «сообщество». «Мы воспринимаем действительность почти исключительно через цифровой экран. Она лишь очередной фрагмент экрана. На смартфоне действительность

³ Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. – М.: АСТ, 2023.

⁴ Illouz E. Hard-Core Romance. Fifty Shades of Grey, Best-Sellers, and Society. Chicago and London: University of Chicago Press, 2014; Хан Б.-Ч. Агония эроса. – М.: АСТ, 2023. – С. 51–54.

⁵ Вайсман Д. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

⁶ Kitchin R. Digital Timescapes. Technology, Temporality and Society. Cambridge: Polity Press, 2023.

приглушается до той степени, что исходящие от нее впечатления утрачивают момент шока. *Шок отступает перед лайком*⁷. Хан считает, что в начале XX века, когда Зигмунд Фрейд придумал психоанализ, шок помог сознанию переживать травматический опыт, в то время как теперь место шока занимает лайк, упраздняющий всякую дистанцию, которая подразумевает нарративное напряжение. В то же время лайк подразумевает ту самую вездесущую позитивность. Точечное время, характерное для сети, не предполагает никакой повествовательности, которая могла бы создать исчезнувшие «сообщества повествования», где умеют слушать и рассказывать.

Однако кризис повествования выражается не в том, что нарративы исчезли вообще. Они остались, но либо стали микронарративами, не имеющими особого смысла, либо оказались подчинены капитализмом. «Нарративы, которые лежат в основе неолиберального режима, как раз затрудняют образование сообщества. Неолиберальный нарратив достижений, например, превращает каждого в *самому себе предпринимателя*⁸. В этом и заключается главная проблема. Бён-Чхоль Хан противопоставляет нарратив и сторителлинг (storytelling). Используя уже существующий термин *storyselling* (с англ. «продажа историй»), Хан презрительно характеризует *storytelling* как иллюстрацию работы капитализма. Любопытно, что на Западе *storyselling* – буквально инструмент бизнеса, предполагающий продажи (sell) посредством рассказывания историй (storyselling). Нарративы производятся для того, чтобы они были потреблены как товары. Капитализм присваивает повествование посредством сторителлинга, подчиняя повествование потреблению. Сторителлинг – рассказы, произведенные для потребления. Сторителлинг, фактически ставший инструментом бизнеса, является ярчайшим примером коммодификации нарративности, что и приводит к повествовательному кризису.

При этом сам Хан высоко ценит не только повествовательность как таковую, но и умение и способность рассказывания историй. Он различает ее и сторителлинг. Чтобы избежать ненужных коннотаций, он использует немецкий термин *Geschichtenerzählen*, наделяя его положительным значением, в то время как английское слово *storytelling* философ всегда употребляет в осуждающем тоне. Сторителлинг для Хана – это, по всей видимости, всегда капитализм. Когда-то Жан-Франсуа Лиотар, который тоже становится персонажем книг Хана, констатировал утрату доверия к метанарративам, назвав это состоянием постмодерна. При этом сам Лиотар отметил, что один метанарратив все еще остается актуальным. И этот нарратив – капитализм. Но, как он заметил, нарратив капитализма – обо всем и ни о чем.

Кажется, Хан хорошо чувствует эту проблему – капитализм представляет собой мощный метанарратив, который с трудом поддается описанию. Эту проблему Хан решает всем своим творчеством, развенчивая все те негативные явления, которые следуют за капитализмом. «Рассказывая истории» о кризисах – нарратива, эроса, времени и т. д., Хан, пускай и посредством критики, придает этому миру осмысленность. С книгой «Кризис повествования» этот проект философа становится особенно понятным. Что ж, он продолжит рассказывать истории в книгах «Топология насилия» и «Деконструкция западной страсти», которые ожидаются в проекте «Лёд».

Александр Павлов, д. филос. н., профессор, руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН

Внимание, рассказ.

Пожалуйста, потерпите немного ради рассказа.

⁷ Наст. изд. – С. 107.

⁸ Наст. изд. – С. 135.

А еще потерпите во время рассказа!
Петер Хандке⁹

⁹ Handke P. Zwiegespräch. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2022. S. 10. Здесь и далее в постраничных сносках будут приводиться примечания переводчика, в концевых – автора. Примечания научного редактора также будут даны в этих сносках и отмечены отдельно. – *Прим. пер.*

Предисловие

Сегодня все говорят о нарративах. Чрезмерное употребление нарративов парадоксальным образом свидетельствует о нарративном кризисе. В шуме сторителлинга правит нарративный вакуум, который проявляется в смысловой пустоте и утрате ориентиров. Ни сторителлинг, ни нарративный поворот не смогут привести к *возврату повествования*. То, что парадигма специально тематизируется и даже становится излюбленным предметом для исследований, предполагает *глубинное отчуждение*. Громкий призыв к нарративам указывает на их *функциональный дефект*.

Когда рассказы укореняли нас в *бытии*, то есть предоставляли нам *место* и делали из бытия-в-мире *бытие-дома*, придавая жизни смысл, опору и ориентиры, то есть когда сама жизнь была *повествованием*, ни о сторителлинге, ни о нарративах речи не было. Такие понятия употребляют без меры именно тогда, когда рассказы теряют свою изначальную силу, свою гравитацию, свою тайну, а равно и свою магию. Увиденные в своей *сконструированности*, они утрачивают *внутренний момент истины*. Они сами начинают казаться контингентными, заменяемыми и изменяемыми. От них больше не исходит ничего обязующего или связующего. Они больше не укореняют нас в *бытии*. Несмотря на нынешний хайп вокруг нарративов, мы живем в *постнарративное время*. Нарративное сознание, которое якобы следует из нарративного устройства человеческого мозга, возможно только в постнарративное время, то есть вне *пленительной силы нарратива*.

Религия – это характерное повествование с внутренним моментом истины. Она *рас-ска-зывает* контингентность (*erzählt die Kontingenzen weg*). Христианская религия – это мета-повествование, которое охватывает каждый закоулок жизни и укореняет его в бытии. Само время нагружается нарративно. Христианский календарь придает каждому дню осмысленность. В постнарративное время он денарративируется до лишнего смысла ежедневника. Религиозные праздники – это высшие и кульминационные точки повествования. Без повествования не бывает праздника, праздничного времени, чувства праздника как усиленного чувства бытия, но лишь работа и свободное время, производство и потребление. В постнарративное время праздники коммерциализируются в виде ивентов и спектаклей. Ритуалы – это тоже нарративные практики. Они всегда встроены в контекст повествования. Будучи символическими техниками создания ограждений (*Einhausung*), они превращают бытие-в-мире в бытие-дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.